

**ДИСКУРС ПОТРЕБЛЕНИЯ: ЕДА И НАПИТКИ
В «ПИСЬМАХ РУССКОГО ПУТЕШЕСТВЕННИКА»
Н. М. КАРАМЗИНА**

Эпоха Просвещения подарила миру немало выдающихся деятелей и мыслителей. Комплекс идей, сформированных английскими, немецкими и французскими учёными и философами, привёл к смене парадигмы в общественной, политической и культурной жизни Европы и других стран. В России это движение развивалось на протяжении XVIII в. и завершилось в творчестве «просветителя российского общества» Н. М. Карамзина¹. Оно имело ряд особенностей, одна из которых – осмысление места и значения России в мире. Своё видение Карамзин изложил в «Письмах русского путешественника» – произведении, с которого началась его творческая деятельность и который стал для своего времени хрестоматийным. Ю. М. Лотман выделяет в книге помимо «познавательного содержания» содержание другого порядка, а именно «соотношение России и Европы в едином процессе движения мировой цивилизации»².

Путешествие – это перемещение из своего пространства в чужое. При этом путешественник, будучи представителем определённой культуры, способен воспринимать и схватывать установки чуждой ему среды. При взаимодействии с Другим он познаёт себя, расширяет или переосмысливает границы собственного культурного пространства. В таком понимании путешественник Карамзин едет в Европу, чтобы найти истоки Просвещения, доказательством чего служит его маршрут из России в Англию через Германию – родину классической немецкой философии, Швейцарию – «страну благоденствия», и Францию – страну свободы. Не оспаривая ученическую роль России по отношению к Европе, Карамзин признаёт её способность к обучению, к выходу из состояния «несовершеннолетия».

Творческая и литературная деятельность Карамзина развивалась в переходный период от классицизма к предромантизму и романтизму. Именно его «Письма русского путешественника» яви-

---

¹ Вишина Г.В. Николай Михайлович Карамзин (1766–1826) – просветитель, историограф, писатель и поэт последнего десятилетия XVIII и первой четверти XIX в. // Вестник воронежского института высоких технологий. 2016. №1. С. 99.

² Лотман Ю.М., Успенский Б.А. «Письма русского путешественника» Карамзина и их место в развитии русской культуры // Карамзин Н.М. Письма русского путешественника. Л., 1984. С. 533.

лись образцом русской сентиментальной прозы. В соответствии с традициями сентиментализма автор наполняет содержание книги личными переживаниями и описанием своих ощущений. Произведение наполнено звуками, запахами, зрительными впечатлениями¹. Не меньшую роль в «Письмах...» играют и вкусовые ощущения главного героя. Они включены в акт познания, узнавания или отрицания чужой культурной среды и являются обязательным элементом при её описании.

Рассматривая пищу в контексте культуры, мы можем говорить о том, что она имеет *значение*, а не только *употребление*². В связи с этим мы расширим понятие «вкусовых ощущений» и включим в него практики, связанные с употреблением пищи, – такие, например, как неоднократно упоминаемые Карамзиным «обеда», «завтраки», «ужины», «столы» и «кушанья». Далее мы попробуем определить место, которое занимают описания вкусовых ощущений при конструировании повседневности конца XVIII в., и выделить функции, которые они выполняют в тексте.

Говоря о функциях, мы условно выделим в тексте три уровня: 1) внутренняя поэтика текста – некоторые закономерности построения повествования, то есть то, что *сказал* автор; 2) «мир героя» – путешественник выступает в качестве отправителя послания, которое автор *хотел выразить* посредством текста; 3) «мир автора» – это адресат послания, человек, использующий коды той или иной культуры. Отождествляя себя с героем путешествия, Карамзин усложнил разделение двух последних уровней, делая границу между ними размытой.

В соответствии с сюжетом распределяем следующие функции: 1) выстраивание пространственно-временных границ; 2) упорядочивание социального пространства; 3) иллюстрация идейно-нравственного наполнения.

Поэтика произведения. Неотъемлемой частью повествования в «Письмах...» являются заметки путешественника о приёмах пищи в тавернах, в которых ему приходилось останавливаться. За редким исключением, они носят характер кратких упоминаний: «Теперь переменяют лошадей и готовят нам легкий ужин», «О Штаргарде,

---

¹ См.: *Просыпкина В.О.* Культурное пространство в контексте слуховых ощущений (на примере «Писем русского путешественника» Н. М. Карамзина) // Вече: Журнал русской философии и культуры. Вып. 28. СПб., 2016. С. 223–234; *Бусуркина И.П.* Функция запахов в «Письмах русского путешественника» Н. М. Карамзина // Вече: Журнал русской философии и культуры. Вып. 28. СПб., 2016. С. 234–250.

² См.: *Лотман Ю.М.* Беседы о русской культуре. СПб., 1994.

куда мы приехали ужинать...», «После обеда были мы в Сан-Суси¹» и др. В данном случае заметки выступают в роли пространственно-временных границ и обеспечивают логическую смену и последовательность действий. Не раз на страницах книги мы встретим замечания, прямо указывающие на время действия: «Вчера же после обеда был я у славного Канта...», «Ныне, когда я только что управился с своим обедом, пришел он ко мне с бумагами...», или на длительность момента: «...где только что имели время отужинать *на скорую руку*»².

Кроме того, приём пищи, в нашем представлении, очевидно растянутый во времени, умещается у Карамзина в одно слово, приобретая значение максимально сжатой паузы при описании переходных состояний. Она может употребляться в качестве связующего звена между главами книги, заключая в себе одновременно конец предыдущей темы и начало следующей («Кушанье поставили. Простите!»); «Мы завтракали – постиллион хлопает бичом – простите – простите до Парижа!»), а также в случае прерывания одним действием другого. Во втором случае можем выделить такие состояния, как переход от сна к бодрствованию («Чтобы сколько-нибудь ободриться после беспокойной ночи, выпили мы с капитаном чашек по пяти кофе», «заснул крепким сном и спал до первой перемены, где разбудили меня пить кофе»), от отдыха к действию («а сам бросился на кресла отдыхать; но через несколько минут позвали меня обедать») и наоборот («После хорошего ужина бросился я на постелю и заснул мертвым сном»).

Таким образом, контрастируя с философско-историческими экскурсами героя, относящимися к метафизике, вкусовые ощущения делают акцент на наличествующем бытии. Они выделяют момент настоящего, поскольку требуют вовлечённости героя в процесс. Например, описание героем вида из окна приобретает статус факта в тот момент, когда прерывается фразой «Нам принесли кушанье». Поскольку Карамзин ставит перед собой задачу составления карты-путеводителя, постольку описание мельчайших подробностей имеет значение. Детали позволяют увидеть на месте путешественника своего современника, тем самым определяя полноту и завершённость картины.

Мир нарратора. Пространство социума. В ходе путешествия герой редко остаётся один. Он активно осваивает новое для него пространство социума. В дороге компанию ему составляют знакомые и случайные попутчики, с близкими друзьями он любит

---

¹ Карамзин Н.М. Письма русского путешественника. С. 41.

² Там же. С. 24.

природой, посещает значимые культурные и исторические места. Путешественник бывает у видных философов, богословов и литераторов, встречает солдат и крестьян. Зачастую такие взаимодействия не только проходят на фоне совместного приема пищи, но и сопровождаются упоминанием трапез и блюд. Являясь системой коммуникации и представляя собой набор культурно-обусловленных образов и правил, пища маркирует модели поведения, позволяя структурировать социально-культурное пространство¹. В результате такого подхода выделим следующие функции вкусовых ощущений: 1) разделение своего и чужого и сохранение иерархии; 2) символический аспект пищи; 3) индивидуальные переживания героя, включающие в себя реакции одобрения и неодобрения.

Говоря о разграничении пространства на своё и чужое, мы подразумеваем проведение между ними некоторой границы. В теме нашего исследования такой границей становится стол – место, где собираются собеседники. Эта граница выражена тем слабее, чем ближе степень отношений между участниками коммуникации. Например, описывая своё знакомство с парижским итальянцем, Карамзин пишет: «Обедали мы с добрым аппетитом и после обеда имели время выпить кофе, чаю и поговорить довольно»². Путешественники поладили между собой и вместе решают, приглашать им за свой стол незнакомцев или нет. Возможность присоединения немцев кажется им совсем не очевидной, а в поведении прослеживается настороженность: «Долго советовались мы, сажать ли с собою за стол немцев. Мне поручено было узнать их состояние. Открылось, что они купцы. Все сомнения исчезли, и с того времени они с нами обедают»³. И в дальнейшем, будучи инициатором приглашения или приглашённым за стол, герой вступает в пространство, объединяющее людей разных наций, взглядов и сословий. Во время трапез он сталкивается с людьми разных судеб, узнаёт истории из их жизни: «За ужином познакомился я с г. фон Клейстом, который служил прусскому королю тайным советником, но по некоторым неприятным обстоятельствам должен был оставить Пруссию, и который, выгнав из воображения своего все призраки лстящей надежды, живет здесь в философическом спокойствии, наслаждаясь приятностию дружбы и обхождения с просвещеннейшими мужами»⁴. За столом также обсуждаются политические события.

---

¹ Барт П. К психосоциологии современного питания. URL: <https://studfiles.net/preview/6131105>.

² Карамзин Н.М. Письма русского путешественника. С. 11.

³ Там же. С. 13.

⁴ Там же. С. 60.

Например, из-за одержанной победы Швеции над Россией (весть о которой настигла путешественника за столом) во время обеда разгорелся спор между присутствующими. О том, что спор носил не острый характер, говорит тот факт, что путешественник не вышел из диалога, как поступил он в другом случае. Обедая с тридцатью немецкими военными и не разделяя их энтузиазма по поводу выбранной темы, герой выражает свою позицию следующим образом: «Как бы то ни было, только в другой раз рассудил я за благо обедать один в своей комнате»¹.

Посадить человека за свой стол означает признать его равным себе. Путешественник во многих ситуациях мог сам решать, принимать такое равенство или же уйти от него. Однако иногда он оказывался в ситуации, когда другие решали, считать ли его равным себе. Такой характер носили отношения героя и мыслителей, которым он наносил визиты. На наш взгляд, является показательным тот факт, что посещение философов назначалось обычно на время *после* обеда, а сами философы не приглашали путешественника разделить с ними трапезу. Между ними сохранялась дистанция, как между учителем и учеником. По ходу сюжета эта дистанция сокращалась, однако не была преодолена: «Платнер не позволил мне заплатить за ужин, что для меня не совсем приятно было. – Таким образом избранные лейпцигские ученые ужинают вместе один раз в неделю и проводят вечер в приятных разговорах»². Будучи приглашённым на собрание видных учёных, герой почитает себя одним из них, но сильно расстраивается, что ему не дали за себя заплатить. После этого следуют его замечание о том, что он чувствует себя чужим и не находит сердечной близости с людьми, которыми восхищается. («Я вижу людей, достойных моего почтения, умных, знающих, ученых, славных – но все они далеки от моего сердца. Кто из них имеет во мне хотя малейшую нужду? Всякий занят своим делом, и никто не заботится о бедном страннике»³).

Пища является важным инструментом социальной стратификации. В тексте прослеживаются закономерности описания героем ситуаций и отношения к ним. Чаще еды нам встречаются упоминание напитков, которые можно расположить в следующем порядке нисходящей иерархии: кофе – чай – вино – пиво. За каждым из них закрепляется несколько конкретных значений, которые помогают герою ориентироваться в социальном пространстве другой культуры и выбирать соответствующие стратегии поведения. В представ-

---

¹ Там же. С. 20.

² Там же. С. 66.

³ Там же.

лении Карамзина напитки связываются с сословиями, указывают на степень свободы, а также разделяют «низкое» и «высокое».

Так, например, повсеместно встречаются упоминания чая и кофе, обычно сопровождающиеся светской или дружеской беседой. («Гостей принимают на крыльце, где подают чай и кофе»; «Зато мы с италиянцем пьем в день чашек по десяти кофе, которое везде находили»). К концу XVIII в. на Западе кофе представлял ценности буржуазной культуры, для России же он оставался атрибутом аристократии и «ассоциативно связывался с заморским импортом... и вместе с тем с цивилизаторскими достижениями европейского и ориентирующегося на него русского Просвещения»¹. В данном случае Карамзин следует отечественной традиции. Передовые европейские достижения могут быть проиллюстрированы расширением «светской культуры» на сословия, ранее в неё не входившие: «В полдень обедают, а ввечеру прогуливаются или в приятельских беседах курят табак, пьют чай и кофе – купцы говорят о торговых, ученые об ученых делах, и таким образом проводят время»². Напиток, таким образом, определяет не состав собеседников, а «светский» характер бесед, во время которых обсуждались последние экономические и политические события.

Оппозицию неалкогольным напиткам составляют вино и пиво. В их внутренней иерархии вино занимает позицию более благородного напитка. Оно поднимает настроение, разгоняет кровь и веселит душу. Являя собой полноту жизни, оно создает атмосферу большей открытости, близости и радушия, которое отмечает путешественник: «Я спросил вина, налил ему рюмку и сказал: “Здоровье храбрых, заслуженных ветеранов!” – “И молодых путешественников!” – примолвил старик с улыбкою и выпил до дна»³. А в некоторых случаях напиток является необходимым посредником примирения двух враждующих сторон: «Я поговорил с ним крупно, а после за бутылкою старого реинского вина заключил вечный мир»⁴.

Для путешественника впечатления от вина связаны с переживанием возвышенного: как в восприятии природы (например, могучего Рейна: «Мысль, что пью рейнвейн на берегу Рейна, веселила меня, как ребенка. Я наливал, пенил, любовался светлостью вина, потчевал сидевших подле меня и был доволен, как царь»⁵), так и безудержного течения истории, которую творят люди. Распитие ви-

---

¹ Богданов А.К. О крокодилах в России. Очерки из истории заимствований и экзотизмов. М.: НЛЮ, 2006. С. 59.

² Карамзин Н.М. Письма русского путешественника. С. 120.

³ Там же. С. 190.

⁴ Там же. С. 19.

⁵ Там же. С. 91.

на граничит с исполнением ритуала: напиток выступает в качестве медиатора, позволяющего стать частью истории, *причаститься* к великим событиям прошлого или будущего. Например, посещая одно из памятных мест Швейцарии, нарратор замечает: «Базельские жители всякий год в мае месяце приходят туда воспевать героические дела своих предков и пить красное вино, называемое швейцарской кровью»¹.

Пиво, в отличие от вина, ассоциируется с чрезмерным возбуждением и распушенностью. Описывая своё пребывание в Германии, рассказчик то и дело комментирует этот напиток. Пиво является национальной гордостью немцев. Для Карамзина оно одно из средств маркирования нации. Герой рассказывает историю, относящуюся к языческим временам и воспевающую нестигаемость немцев, и в заключение добавляет: «Эта секира святых славится каким-то отменным пивом и белым хлебом»². В прошлом, возможно, пиво считалось символом бесстрашия и силы, но ситуация в современной Германии не импонирует Карамзину. Он посещает видных немецких мыслителей и одновременно видит на улицах повсеместную разнузданность и дикость солдат: «В глазах моих толпа пьяных солдат остановила ехавшего в карете прелата и принудила его пить пиво из одной кружки с его кучером за здоровье нации»³.

Алкогольные напитки обнажают внутренние интенции, но делают это по-разному: вино подразумевает «свободу и равенство» на основании благородных устремлений, будь это великие события будущего или понятное желание отдохнуть вечером после трудового дня, пиво же затуманивает разум, заставляет человека вести себя недостойно и преследовать низменные цели. Поэтому Карамзин даёт однозначную оценку: «В зверинце много кофейных домов. Мы заходили в один из них, чтобы утолить жажду белым пивом, которое мне очень *не полюбилось*» (курсив мой. – К. В.)⁴.

Идейно-нравственный уровень. Во время путешествия герой часто предаётся философским размышлениям и идиллическим рассуждениям. Он воспевает учёность и восхищается природой. Он верит в силу прогресса и ожидает благоденствия для всех тех, кто вступит на этот путь. Следуя за идейными исканиями Карамзина, мы проанализируем, как меняется описание пищи и отношения к ней героя в зависимости от того: 1) *где* находится путешественник и

---

¹ Там же. С. 101.

² Там же. С. 25.

³ Там же. С. 94.

⁴ Там же. С. 36.

как оценивает уровень и качество жизни; 2) в *каких* эмоциональных состояниях он пребывает.

Ю. М. Лотман и Б. А. Успенский справедливо указывают на то, что идейные поиски Карамзина сюжетно оформляются «противоборством двух идеологических концепций» (Вольтера и Руссо)¹. Находясь в Швейцарии, путешественник не испытывает противоречивых чувств, его речь наполнена положительными эпитетами: «изобильный», «прекрасный», «хороший», «домашний», «отменно сладкий и вкусный», «добрый», «прохладительный», «бодрящий», «густой», «ароматический». Страна представляется путешественнику благословенным местом, в котором люди потому живут хорошо, что выстраивают жизнь в гармонии с природой и со своими нравами: «На горе Шейдеке нашел я пастухов, которые также потчевали меня творогом, сыром и густыми, ароматическими сливками. После такого легкого и здорового обеда сию теперь на бугре горы и смотрю на скопище вечных снегов»². Кажется, будто сами нравы в Швейцарии «лёгкие и здоровые», а в описании пищи находит воплощение идея материального благосостояния и изобилия.

Пространство города и деревни по-разному описывается путешественником. В деревнях и сельских трактирах он встречает крестьян, которых называет простодушными: «Тут нашел я несколько хижин, в которых пастухи живут только летом. Сии простодушные люди зазвали меня к себе в гости и принесли мне сливок, творогу и сыру. Хлеба у них нет, но проводник мой взял его с собою»³. Его прельщает та спокойная и размеренная жизнь, которой они живут. Он не видит в ней противоречий и бурь, всё пронизано единением и уважением: «Тут видел я семейный крестьянский обед. Когда все собрались к столу, хозяйка прочитала вслух молитву, после чего сели вокруг стола – муж подле жены, брат подле сестры – и принялись за суп, а потом за сыр и масло»⁴. Карамзин упоминает ту пищу, которая характерна для крестьян. Она проста, бесхитростна, но при этом вкусна, и герой, буквально, чувствует себя живым. Все его описания швейцарских деревень пронизаны чувством вдохновения, тепла и удовлетворения: «У прекрасной девушки купил я корзинку черной вишни, хотя мелкой, однако ж отменно сладкой и вкусной, которая прохледила внутренний жар мой»⁵. Вишня – символ весны, процветания и молодости – дополняет образ юной крестьянки. К

---

¹ Лотман Ю.М., Успенский Б.А. «Письма русского путешественника Карамзина» и их место в развитии русской культуры. С. 579.

² Карамзин Н.М. Письма русского путешественника. С. 136.

³ Там же. С. 134.

⁴ Там же. С. 119.

⁵ Там же. С. 135.

тому же, ягода не требует специальной обработки, поэтому становится прямым посредником между путешественником и природой, которую он не устаёт воспевать. Апогеем эмоционального возбуждения путешественника является его встреча с молодым пастухом. Умирая от жажды, путник набрёл на хижину, и добрый хозяин напоил его чистой речной водой. Вот как описывает этот эпизод Карамзин: «Я взял чашку, – и если бы не побоялся пролить воды, то, конечно бы, обнял добродушного пастуха с таким чувством, с каким обнимает брат брата: столь любезен казался он мне в эту минуту! – Для чего не родились мы в те времена, когда все люди были пастухами и братьями!»¹. Как можно заметить, здесь прямая коннотация к идеям Руссо, а также обращение к пасторальности, на которой основывается сентиментализм.

Но этот сюжет интересен нам ещё и потому, что именно после него герой, возвращаясь в город, попадает в шторм и простужается. Сменяя одно пространство другим, путешественник чувствует недопомогание; уходя от простой и счастливой жизни, он возвращается в городскую среду, которая требует других способов конструирования пространства. Разрешается сей природный конфликт следующим образом: «Приехав сюда, чувствовал я озноб; но, выпив чашек пять хорошего чаю, стал опять совершенно здоров»². Чай – светский напиток, и путешественник получает своего рода «городскую прививку». Напиткам стоит уделить более пристальное внимание: Карамзин упоминает безалкогольные напитки – чай и кофе, а также самый «чистый» из них – воду. О вине он пишет: «Хотя чужестранные вина сюда привозятся, однако ж их позволено употреблять не иначе как в лекарство»³. Швейцарцы не терпят излишеств, в жизни предпочитают умеренность и скромность.

Другая картина открывается глазам писателя в Париже, в котором блеск салонов и балов соседствует с грязью и бедностью. Описанию изысканных обедов («За ужином ели мы прекрасную рыбу и свежих морских раков, отменно вкусных») противопоставляется описание городских улиц («тесные улицы, оскорбительное смешение богатства с нищетою; подле блестящей лавки ювелира – кучи гнилых яблок и сельдей»). «Отменно вкусное» контрастирует с «гнилым». Французская революция стала возможной из-за резких различий между сословиями. Пока аристократия «с томною, но приятных чувств исполненною душою отдыхает в Пале-Рояль за чашкою баваруаза», парижская чернь веселится в трактирах, где

---

¹ Там же. С. 137.

² Там же. С. 143.

³ Там же. С. 120.

пьёт самое дешёвое вино: «Итак, не один русский народ обожает Бахуса! Разница та, что пьяный француз шумит, а не дерется»¹.

Среди трёх стран Англия является наиболее «гастрономически-наполненной». Как только путешественник въезжает в страну, он сталкивается с её спецификой. Карамзин подробно останавливается на пищевых привычках англичан, в которых видит основу национального характера. Редко когда автор пускается в такие методичные описания: «В Кантербури, главном городе Кентской провинции, пили мы чай, в первый раз по-английски, то есть крепкий и густой, почти без сливок, и с маслом, намазанным на ломтики белого хлеба; в Рочестере обедали, также по-английски, то есть не ели ничего, кроме говядины и сыра. Я спросил салату, но мне подали вялую траву, облитую уксусом: англичане не любят никакой зелени. Ростбиф, бифтекс (жареная и битая говядина) есть их обыкновенная пища»². Путешествуя по Англии, Карамзин сопоставляет сведения, почерпнутые им из английских романов и рассказов соотечественников, с тем, что открывается его взору. В тоне его чувствуется глубокая разочарованность человека, чьи ожидания не совпали с реальностью. Привыкнув к дружеским беседам во Франции и Германии, к блаженному довольству на просторах Швейцарии, путешественник чувствует себя подавленно, встречая обходительное, но угрюмое молчание англичан. Свойства их характера он приписывает обилию тяжёлой мясной и мучной пищи: «Ростбиф, потаты (земляные яблоки), пудинги и рюмка за рюмкой кларету, мадеры»³. Эпитеты, которые Карамзин использует при описании еды, позволяют лучше понять его впечатления: «вялый», «крепкий», «густой», другими словами, плотный, слишком земной.

Путешественник невысокого мнения о гостеприимстве англичан. Он отдаёт им справедливость, но похвала его «так холодна, как холодны они сами». Стоит отметить, что и во Франции герой не встречал радушного приёма: «Меня приняли с холодной ласкою, так, как здесь обыкновенно чужестранцев принимают; звали обедать, ужинать, и проч.»⁴. Как это не похоже на тёплую встречу в родной стране! В начале путешествия, подъезжая к границе империи, путешественник попадает в беду. Спасение он находит в доме простых людей, которые искренне ему помогают: «Меня приняли так ласково, потчевали так сердечно, что я забыл все свое горе»⁵. С

---

¹ Там же. С. 269.

² Там же. С. 329.

³ Там же. С. 338.

⁴ Там же. С. 223.

⁵ Там же. С. 8.

семьёй герой прощается с чувством глубокой сердечной признательности и со слезами на глазах. В дорогу, как пожелание удачи в долгом пути, он получает три хлеба.

Мир автора. Культурно-исторический контекст. Главный герой «Писем русского путешественника» – сам автор, дворянин XVIII века. Он предстаёт перед нами как живой человек, чувствующий и познающий. Будучи воспитанным в рамках определённого культурного поля, он едет в Европу для подтверждения или опровержения имеющихся у него стереотипов. Своё путешествие герой совершает на фоне масштабных исторических событий: французской революции, русско-шведской и русско-турецкой войн.

Ведя повествование от первого лица, автор синтезирует частную жизнь с пластом многовековой культуры и погружает читателей в современный ему мир¹. Выстраивает он этот мир посредством философского и исторического экскурсов в культурное пространство Европы. По ходу повествования автор часто обращается к описаниям чувственных ощущений, посредством которых воссоздаёт повседневность конца XVIII столетия. Одним из маркеров повседневности являются вкусовые ощущения. При помощи них выстраивается горизонтальная структура культурного пространства².

Следуя определённой логике в описании вкусовых ощущений, пищи и связанных с нею практик, Карамзин заложил основы для дальнейшего развития русского литературного языка и предвосхитил стилистические приёмы, используемые авторами будущих поколений.

---

¹ Лотман Ю.М., Успенский Б.А. «Письма русского путешественника Карамзина» и их место в развитии русской культуры. С. 606.

² Черепанова Н.В. Путешествие как способ измерения культурного пространства // Вестник ТГПУ. 2006. №7. С. 65–71.